

**КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ.
БИБЛИОГРАФИЯ**

УДК 82.07

DOI 10.25688/2076-913X.2021.41.1.17

Э. Ф. Шафранская

**Гольденберговский сборник
(Рецензия на книгу: Восток – Запад:
пространство локального текста
в литературе и фольклоре: сб. науч. ст.
к 70-летию проф. А. Х. Гольденберга /
отв. ред. Н. Е. Тропкина. Волгоград:
Перемена, 2019. 471 с.)**

Сборник научных статей «Восток – Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре», подготовленный к юбилею литературоведа и фольклориста Аркадия Хаимовича Гольденберга, уже получил среди коллег название гольденберговского. И это не только дань юбиляру.

В сборнике представлен ряд исследований, посвященных феномену «царицынский текст», введенному в научный оборот А. Х. Гольденбергом (см. статьи Н. Е. Тропкиной, О. П. Малковой, И. В. Преображенской и др.). Среди них и статья юбиляра «“Царицынский текст” в творческом наследии Гоголя», в которой рассмотрена работа классика русской литературы над книгой П. С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства в 1768–1773 гг.», привлекавшей его описаниями Царицынского края, кои должны были послужить материалом при создании второго тома «Мертвых душ». В аналитической картине «царицынского текста» Гоголя, воссозданной А. Х. Гольденбергом, присутствуют такие паттерны, как климат, растения с их целебными свойствами, птицы «с указанием точного времени их прилета и отлета» (с. 100), народы Поволжья («военнопленные турки, немцы-колонисты и калмыки»), предметы их быта и пр. Автор статьи допускает вероятность того, что сюжет второго тома гоголевской поэмы в перспективе мог быть связан с Царицыном, а именно мертвые души вполне могли быть «переселены» не в Херсонскую губернию, а в Поволжье (с. 102).

К слову, в сборнике опубликован целый блок статей, посвященных не исследованным прежде аспектам творчества Гоголя и его влиянию на литературных потомков (см. статьи В. А. Воропаева, В. М. Гуминского, В. Д. Денисова, Е. Е. Завьяловой, Е. Г. Падериной, Т. Попович, С. А. Шульца).

Сборник охватывает широкий *географический спектр локальных текстов*: уральский (Е. К. Созина), вологодский (Ю. В. Розанов), сибирский (Я. Войводич), симбирский (Л. А. Сапченко), волжский (О. Н. Купцова), малороссийский (В. М. Гуминский; В. Д. Денисов), каприйский (Р. Джулиани), грузинский (М. К. Кшондзер), парижский (В. И. Новиков), бакинский (Н. Е. Рябцева), а также казачий (В. И. Супрун) и библейский (С. Н. Петренко).

Охарактеризованы *локально-поэтические пространства-феномены*: бездна (Е. Ю. Кольшева), сад (С. А. Петрова), инобытие (Ю. Г. Семикина), культура (Ю. Н. Сысоева), детство (Е. А. Яблоков; Е. И. Алещенко), мир взрослых (Е. И. Алещенко). Проанализированы опoэтизированные топосы, реальные и вымышленные: армянский Маран (А. И. Смирнова), лермонтовский Пятигорск (Я. В. Погребная), фадеевский Владивосток (Т. В. Краюшкина), Волга (И. Н. Иванова), Средиземье (О. О. Путило), Петербург (Е. Ф. Манаенкова; А. В. Кулагин) и др.

В сборник включены исследования *специфических черт пространства*, воссозданного русскими и зарубежными авторами (прозаиками, поэтами, драматургами, художниками), такими как: Наринэ Абгарян, Борис Акунин, Леонид Андреев, Алексей Ачаир, Исаак Бабель, Олег Богаев, Михаил Булгаков, Александр Галич, Н. В. Гоголь, Николай Гумилев, Елена Даль, Борис Екимов, Игорь Иргеньев, Генрих фон Клейст, Владислав Крапивин, Федор Крюков, Роман Кумов, Александр Кушнер, Н. С. Лесков, Инна Лиснянская, Джонатан Лителл, Василий Логинов, Элис Манро, Илья Машков, Александр Мелихов, Адам Мицкевич, Арсений Несмелов, Булат Окуджава, А. Н. Островский, Борис Пастернак, Ник Перумов, Андрей Платонов, Козьма Прутков, А. С. Пушкин, Алексей Ремизов, Ганс Сакс, Владимир Сорокин, Арсений Тарковский, Джон Р. Р. Толкиен, И. С. Тургенев, Ф. И. Тютчев, Михаил Угаров, Людмила Улицкая, Александр Фадеев, А. А. Фет, Тибор Фишер, К. М. Фофанов, А. П. Чехов, Александр Чудаков, Варлам Шаламов, Гузель Яхина и др.

Помимо российских ученых в сборнике приняли участие литературоведы из Великобритании, Венгрии, Германии, Израиля, Италии, Китая, Польши, Сербии, Украины, Хорватии, Японии.

Чрезвычайно интересный материал содержится в статьях, посвященных *рецепции заграничных топосов русскими писателями*: показное безразличие Чехова к Венеции (Н. В. Капустин); метафоризация тургеневской Америки чертами смертного топоса (А. А. Фаустов); парижский миф в биографии Бабеля (Зеев Бар-Селла).

Столь многогранный по хронотопу, литературной и физической географии охват литературоведческой (и культурологической) проблемы говорит о ее актуальности и незавершенности. Термин «локальный текст» в некоторой

мере противоречив, неоднозначен, не всегда трактуется и наполняется исследователями в согласии с каким-то уже выработанным теоретическим канонем. Теории локального текста посвящены статьи Д. Н. Замятина, А. А. Кораблева, В. Г. Щукина. Работа еще предстоит, неслучайно именно этой проблеме была посвящена конференция в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете (2018).

Ряд разночтений представлен в самом сборнике. Так, в статье В. И. Супруна «Локальный казачий текст в языке и литературе: от Ф. Д. Крюкова до Б. П. Екимова» практически отождествляются понятия *genius loci* и «локальный текст». Автор цитирует другого исследователя, явно соглашаясь с ним: «...“Гений места — художник или творец, чья жизнь (биография), работа и/или произведения связаны с определенным местом <...> могут служить существенной частью образа места или географического образа”¹. <...> Следующим закономерным этапом в исследовании проблем взаимоотношений человека с окружающим миром и отражении этих отношений в произведениях искусства и литературы стало введение в научный язык понятия локального текста» (с. 194–195). Хотя, как нам видится, если идти за родоначальником указанного понятия (именного, топонимического) В. Н. Топоровым, локальный текст — «это совокупность растиражированных в культуре и словесности (устной и письменной) представлений о месте, деталей этого места, прецедентных единиц речи, фольклора, мифологии, образов знаковых личностей — с их нравами, ментальностью, поведением, жестами, этнографическими характеристиками — всего того, что с течением времени становится сводом стереотипов о месте, или локальным текстом»². Гений места и локальный текст — разные понятия: первое, связанное с древними анимистическими представлениями, используется, скорее, в метафизическом смысле и никак не связано с личностью, прославившей место; второе — вполне конкретное, вырабатываемое временем, в итоге функционирующее в культуре (а потом и в литературе и искусстве) в иде свода паттернов (и личности, прославившие место, как раз и выступают в виде паттерна).

В сборнике есть ряд статей, связанных с фольклором. Так, А. Ф. Белоусов разбирает ленинградскую катастрофу 1926 г. и локальный фольклор, порожденный ею, который дожил до 1990-х; В. И. Карасик исследует жест дарения, порождающий в фольклорной действительности ритуал и специфический нарратив. Есть также статьи, затрагивающие проблемы фольклористики. К этой части тоже есть вопросы.

Автор И. А. Голованов в статье «Константы и архетипы художественного сознания в фольклоре и литературе» пишет: «В фольклоре удерживаются только те формы, которые оказываются функционально значимыми для всего

¹ Замятин Д. Н. Гений и место: ускользающая со-в-местность // *Общественные науки и современность*. 2013. № 5. С. 154.

² Шафранская Э. Ф. Вруны и фантазеры как паттерн локальных текстов XX в. // *Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2017. № 1. С. 22.

этнического коллектива» (с. 9). Это вполне традиционное суждение не вписывается в новую концепцию фольклористики, согласно которой фольклор обнаруживается в границах микрокоммуникативного или персонального дискурса³. Или другой фрагмент того же автора: «Одна из поздних, но менее значимых констант русского фольклора — константа справедливости» (с. 13). Куда же отнести в таком случае ксенофобный, экстремистский, гомофобный и пр. фольклор? А ведь все это входит в фольклорную действительность. Американский фольклорист Алан Дандес предупреждал: «...Важно иметь в виду, что существует также крайне деструктивный и даже опасный для жизни фольклор. Я имею в виду различные формы расистского и сексистского фольклора»⁴. Фольклор, по мнению Дандеса, может действовать и как опасная и слишком действенная сила зла. Эти слова, возможно, звучат неожиданно, так как фольклор в официальной отечественной культуре традиционно маркируется исключительно позитивно, что не соответствует реальной жизни.

Отмеченные противоречия нисколько не понижают высокий градус профессионализма всего сборника. Главное, что он читается с большим интересом и будет полезен как молодым, начинающим исследователям, так и опытным. Он зовет к дебатам и поискам.

География и многонациональная культура, представленные в статьях гольденберговского сборника, его магистральное научное направление — «Восток – Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре», тематика рецензируемого труда вписываются в круг актуальных проблем изучения литературы и культуры, соответствуют современным тенденциям развития гуманитарных наук, отвечают запросам в сфере высшего образования.

³ См.: Богданов К. А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. С. 60.

⁴ Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ: сб. ст. / пер. с англ.; сост. А. С. Архипова. М.: Вост. лит., 2003. С. 204.